Москва ГАБТ России

13.0293

Культура – 1993 – 13 февр. – С. 3

— Владимир Михайлович, так все-таки чей же он в конце концов, Большой театр?

— Президентский указ определяет Большой театр как государственный по принадлежности, национальный по духу и автономный по своему организационному существованию. А это значит, что государство в силу своих возможностей театр финансирует и не может — во всяком случае теоретически — отказать ему в финансировании; что деятельность Большого по-прежнему ориентирована на всероссийскую, общенациональную аудиторию, а не только на Москву и Московскую область; и, наконец, что театр управляет собою сам, не опасаясь вмешательства извне.

— Это все записано на бумаге. А что на деле?

— На бумаге! А сколько мы ее ждали, эту бумагу. И появилась она как нельзя вовремя. Теперь по крайней мере никто не сможет приватизировать или акционировать Большой театр. А ведь год назад являлась подобная идея. Нашлись среди наших западных партнеров ретивые такие господа, которые сочинили проект приватизации Большого театра и обратились к нам с предложением обсудить его. Слава Богу, мы тогда эту проблему быстро решили.

Конечно, само предположение, что Большой театр может стать частным, кажется диким, абсурдным. А с другой стороны, почему бы и нет? Собирается, например, трудовой коллектив и голосует за акционирование. Кто-то говорит: «Невозможно Большой театр — наше национальное достояние». А на основании чего он говорит, где юридический документ, который бы этому препятствовал? И вот теперь он есть.

Очень дорог нам указ тем, что оставляет театру всю заработанную им валюту, а не 50 процентов, как было раньше. Появилась возможность как-то прогнозировать свою жизнь.

Да и самостоятельность, разумеется, великое дело. Теперь мы можем сами принимать решения и не опасаемся своей «решительности». А раньше... Вспомните, сколько шума наделало три года назад «Соглашение о консорциуме» с г-ном Брайтманом. Ведь в чем только тогда не обвинили, и сколько мне пришлось отбиваться...

— А как, кстати, поживает сейчас г-н Брайтман? И что сталось с консорциумом?

— Г-н Брайтман неплохо поживает в качестве одного из наших импресарио. «Соглашение» же перестало существовать, потому что в конце концов превратила существование английская фирма, с которой оно было подписано. Театр ничуть не пострадал и тем более никаких прав на себя никому не уступил. Теперь нет нужды прибегать к подобным способам взаимодействия с иностранными фирмами. Но то тем временем—советским—наше «Соглашение» было и нужным, и правильным. И кое-что оно нам дало.

В канун «рокового» 1991 года мы беседовали с генеральным директором Большого театра, тогда еще ГАБТа СССР, В. КОКОНИНЫМ на тему «Чей же он, Большой театр?». Выходило так, что государство, хотя и считает театр «своим», на роль рачительного, заботливого хозяина не тянет. Прошло два года, принесших и унесших с собой многое. Перестал существовать Советский Союз — и ГАБТ словно и вовсе повис в воздухе. Но минувшей осенью вышел Указ Президента, объявивший Большой театр национальным достоянием России. А как это отразилось на жизни театра, что же теперь происходит в Большом! И мы решили возобновить разговор с генеральным директором — директором уже ГАБТа России.

ГАБТ, ГУЛЯЮЩИЙ САМ ПО СЕБЕ

Конечно, рассчитывали мы на большее! И очень жаль, что наш партнер не смог по-настоящему развернуть свою деятельность.

Но ведь это была первая проба пера. Мы тогда еще только учились. И учение принесло плоды. Столько юридических тонкостей узнали — бесценный опыт! Реакция же на него была сообразно времени — советская.

— Стало быть, ура! Большой театр наконец-то решит все свои проблемы!

— Сами понимаете, что до такой «крайности» мы не дошли. Путь от постановления до «ура», как всегда, неблизкий.

Черным по белому написано в указе, что Большой театр отдельной строкой выделяется в госбюджете, то есть дотацию мы должны получать через Министерство финансов. А в Минфине нам говорят: «Да, отдельной строкой, но через Министерство культуры». Потому что у них в аппарате нет специалистов по культуре. В сотый раз повторю: я не против Минкульта. Но я против того, чтобы суммы, записанные в отдельные строки, опять складывались в общий котел, а доставая их оттуда, какой-нибудь чиновник вновь задумывался, а не слишком ли велика такая-то сумма для такого-то «объекта». Выбивали мы, выбивали себе дотацию на 4-й квартал — выбили. Но ту часть дотации, которую, зная, что нас ждут трудные времена, сэкономили за три квартала, министерство потребовало вернуть. У них, видите ли, финансовая отчетность, так что вынь да положь. Что же это за самостоятельное хозяйствование такое, разрешите узнать, если хозяин даже не может себе позволить отложить на черный день?

Теперь о размерах дотации. С учетом инфляции, индексации и т. д. мы запросили на 93-й год сумму куда большую, чем ту, в которую ранее сами рассчитывали уложиться. В прошлом году театр обошелся государству в 330—350 миллионов рублей. Тоже немало? Допустим. Но это меньше миллиона долларов. Такого нет нигде в мире. В декабре, когда наша опера была в Генуе, состоялось совещание директоров ведущих музыкальных театров Италии. Г-н Эрнани, директор генуэзского театра, вернулся с него с черным лицом — правительственный чиновник сообщил, что будет урезана дотация. «И сколько же дадут?» — спрашиваю. «Вам трудно даже себе такое представить,— отвечает.— Нам нужно не меньше 15 миллионов долларов в год, а выделили только десять». Ну, конечно, где уж мне такое представить!

А попробовали бы они себе представить нашу тарифную сетку! Вот ведь вырезал же такой замечательный документ в недрах нашего правительства. Для того чтобы в Большом театре, бюджетной организации, ввели новую систему окладов, мы обязаны провести переаттестацию и всем присвоить разряды — от первого до 18-го, высшего. Для каждого разряда предусмотрена своя «вилка» заработной платы. Господи, да зачем же в сфере культуры-то такое проделывать!

На Западе контракт есть коммерческая тайна. Никто, кроме дирекции театра и самого артиста, не знает, сколько он получает. У нас все должны знать все. Переаттестация — это взвинченное состояние артистов, недоумения, обиды. Это дурацкая бюрократическая процедура — писание характеристик, это заседания комиссий, которые «на глазок» должны определить, пятого разряда ты достоин или седьмого. Представляете себе характеристику на главного балетмейстера? Или такой вот титул: «Елена Образцова — певица 18-го разряда!»

Все подорожало, за все надо платить по себестоимости. Да что же это такое — разве мы все, вот мы с вами, перестали работать? Но мы-то как раз и подешевели. То есть происходит ужасная вещь — дешевеет труд. И если мы с вами, к примеру, решаем потерпеть, то ведь наш ведущий артист имеет возможность рассудить иначе: раз мое государство считает, что я должен получать 25 долларов (а именно столько в пересчете на «настоящие» деньги он сейчас и получает), отправлюсь-ка я на чужбину, где мне и заплатят по-человечески. Вот вам и проблема отъезда. Правда, театр старается поддержать своих артистов. Установлены значительные надбавки к зарплате. Ведь мы же зарабатываем и сами—приблизительно полтора миллиона долларов в год. Но можем больше, к чему и стремимся.

— Из чего складываются валютные заработки?

— Главная статья дохода — зарубежные гастроли. Театр получает сумму, оговоренную в контракте, часть ее идет на гонорары артистам, остальное — в нашу «казну». Видимо, придем мы и к тому, что каждый гастролер, выезжающий от имени Большого, то есть использующий его имидж, будет отдавать театру какой-то, пусть маленький, процент своего гонорара.

Мы продаем за валюту часть билетов, небольшую — всего лишь двести. Зато теперь оставляем себе практически всю выручку, а не 20 процентов, как это было еще совсем недавно. Хотим наладить у себя систему обслуживания иностранцев, принятую на Западе. Ведь там как делается — живете вы, например, в Новгороде, но вдруг захотели послушать оперу в «Ла Скала». Так взяли и отправили туда заявку. В театре есть специальная служба, которая не только обеспечит вас билетом, но и предложит набор услуг. По вашему желанию позаботится она и о гостинице. Сейчас шотландская фирма «Sporting Partnership» разрабатывает набор услуг, которые сможем предлагать мы, просчитывает, сколько это будет стоить.

Есть у нас валютный буфет. Это совместная деятельность. Наш партнер организует поставку товаров, платит налоги, а мы предоставляем помещение и обслуживающий персонал и тоже свой доход имеем. Вообще мы наконец выяснили наши отношения с буфетами. Образовано акционерное общество «Буфеты Большого театра» (и рублевые, и валютный — все вместе), и мы являемся держателями контрольного пакета акций.

И, наконец, мы зарабатываем валюту на съемках, видео- и аудиозаписи, издательской деятельности. И сугубо коммерческой — это выпуск изделий с нашей символикой, сувениров и т. д.

— Очевидно, стремлением зарабатывать валюту вызваны и проект оперного бала в Большом, и появление ассоциации «Международный фонд Большого театра» в Вене!

— Между прочим, это они хотят, чтобы мы больше зарабатывали и лучше жили. Фонд образован по инициативе австрийских театральных и промышленных кругов, в том числе председателя торгово-промышленной палаты Австрии, бургомистра Вены, руководителей Венской оперы. Цель его деятельности — оказание моральной и материальной поддержки Большому театру. Зачем им эти заботы, в чем тут дело? Дело в том, что среди иностранцев, возымевших интерес к нашей стране, есть и такие, что питают к нам искренннюю симпатию, а не просто хотят здесь чем-нибудь поживиться. Столько людей приезжают и обращаются в театр с одним только вопросом — что для вас сделать, чем помочь?

Недавно навестила нас группа промышленников и финансистов из Дюссельдорфа. Один из них — по медицинской части — предложил поставить оборудование и лекарства для нашей поликлиники — вот-вот мы должны получить. А другой — г-н Ханс Арбейтер, владелец фирмы по аукционам, человек очень впечатлительный и богатый, завел речь об оперном бале.

Оперные балы — это времяпрепровождение элитной публики. Проводятся они в стенах прославленных театров мира. Их не так много, самых престижных — четыре-пять, например, в Венской опере, в театре Монте-Карло. Попасть на такой бал непросто, и стоит это огромных денег. Миллионеры, вечерние туалеты, всяческие роскошества... и мы. Вроде бы одно с другим никак не сочетается. И я замахал руками на Ханса Арбейтера. А тот удивился: иметь такое здание и бала не задать!! У них у всех челюсть отваливается, когда они попадают в наше здание. Большой театр, как бы его здесь ни ругали, конкурентоспособен в мире, он может быть предметом нашей гордости. И пусть все знают: в нашей стране не только дефицит товаров, грязь на улицах и мордобой в парламенте, но есть еще и кое-что других. Наш бал станет балом знакомства. Мы хотим установить контакты с людьми влиятельными, которые могли бы включить большой театр в Москве, на Театральной площади, в орбиту своих интересов, утвердить мнение, что это нечто соответствующее мировому уровню.

Конечно, таких людей надо принимать соответствующим образом. И скорее всего в чем-нибудь мы да «проколемся». Потому что действительность в нашей стране известно какая. Потому что мы сами не такие уж светские львы. Но у нас есть помощники. Оргкомитет, занимающийся подготовкой бала, наполовину состоит из немцев. Г-н Арбейтер — многолетний держатель ложи на Венском балу. Они знают, за сколько времени надо рассылать приглашения — бал намечен на октябрь, на какой бумаге, кого приглашать, где и какие закупить продукты. Молочей в этом деле нет. Даже кареты скорой медицинской помощи будут выписаны из Америки. Оплачивают же это все опять-таки представители немецкой стороны. А вот доход от бала получает театр, им же — только реклама и вечная слава. (Если, конечно, все пройдет удачно).

— А решение ставить «Князя Игоря» вместе с генуэзским театром было продиктовано творческими соображениями или все-таки коммерческими!

— Очень красивый театр — «Карло Феличе», выглядит сейчас, как новенький. Но слишком долго его реставрировали, чтобы он так выглядел. Труппа влачила жалкое существование, полтора года назад театр открылся, и выяснилось, что она не может его освоить. Публика тоже — генуэзцы гордятся своим городом, а своим оперным театром гордиться отвыкли. Вот и родилась у дирекции «Карло Феличе» и дирекции Ассоциации театральных деятелей области Эмилия-Романья (АТЕР) идея пригласить к сотрудничеству Мариинский и Большой театры. И все переменилось. На всех наших спектаклях — аншлаги. Театр оживился. Оркестр из под управления Александра Лазарева сразу прославился. Генуя возликовала — мировая премьера да еще в год Колумба! Ну, и скажите, не почетно ли это все для нас?

Что касается прочих соображений... На Западе сейчас очень часто практикуются совместные постановки. Оперный спектакль ведь везде дорогое удовольствие, и трудности экономические есть не только у нас. Так почему бы не объединиться? По отдельности скорее всего «Игоря» не потянули бы ни мы, ни Генуя. Декорации, например, гораздо дешевле сделать у нас. Фантазия Валерия Левенталя и качество работы наших мастерских, кстати, всех просто ошеломили. Правда, теперь нужно делать новое оформление для нашей сцены — она больше, чем в генуэзском театре. Потому и пришлось отложить премьеру в Москве.

Еще одно «коммерческое» соображение: зарубежные гастроли — весьма значительный источник благосостояния наших артистов. Нам надоело стесняться и краснеть, когда об этом заходит речь. Ведь наше государство не стесняется платить нам столько, сколько платит. В спектаклях в Генуе должен был участвовать хор «Карло Феличе», но мы договорились, что будет петь наш. И мысль о том, что люди смогут заработать, была не на последнем месте.

Что еще нам дала Генуя — так это опять-таки контакты. И они не замедлили сказаться на наших творческих планах. Для начала мы тут же стали обсуждать с руководством «Карло Феличе» проект новой совместной постановки — «Турандот» Пуччини. Теперь ставить будем здесь. Договорились мы с несколькими театрами о прокате у нас ряда спектаклей. Там они быстро сходят со сцены, но оформление-то остается. Привезем все к нам, наши артисты выучат материал, и в течение нескольких месяцев будем показывать.

— Как-то несколько удивило, что в генуэзской премьере почти не участвовали «звезды» первой величины...

— Участвовали молодые певцы, которые, без сомнения, скоро станут «звездами»,— М. Лапина, Ю. Нечаев, М. Крутиков, наш новый солист В. Маторин, наши премьеры — Е. Нестеренко, И. Уделова, А. Мишенькин и артисты, действительно премьер ранее не певшие,— Т. Арестова, Л. Кузнецов. Похвал удостоились все, но как понравились именно Арестова и Кузнецов! Стало быть, и выпал им наконец тот самый шанс...

— Ну, значит, и они уедут...

— Тогда будем готовить им смену. Плохо, если артист, выступивший на гастролях, не получил никакого приглашения, а не наоборот. И нечего его держать «на цепи», тем более что все равно не удержишь. Беда наша в том, что как не было, так и нет контрактной системы. Мне кажется, не всем ясен смысл контракта. Сроки его действия, число спектаклей — это все не самое главное. Главное — юридически оформленные обязательства сторон. Могу ли я привлечь к ответственности артиста, не вышедшего в положенный день на сцену? Нет. Он мне бюллетень покажет — и дело с концом. Нужна юридическая база, но дождемся ли мы когда-нибудь, что ее разработают?

Но это грустная тема. Давайте-ка я лучше расскажу вам о нашем «Игоре». Почему я столь нескромно, казалось бы, расхваливаю спектакль? Потому что он нам всем безмерно дорог. Столько сил и души вложили в него постановщики — А. Лазарев, Б. Покровский и В. Левенталь, так увлеченно разрабатывали новую концепцию, что... я хочу подготовить общественное мнение. Потому что Большой театр ведь имеют обыкновение ругать и за рутину, и за новаторство. Вам, наверное, тоже хочется спросить, не ругали ли нас за что-нибудь в Италии. Если кто и ругал (критики, конечно, а не публика), то как раз за новую концепцию. Дескать, у Бородина не так. Конечно, были сделаны перестановки. Но ведь что-то похожее на нашу версию было и у Бородина. Известный музыковед Е. Левашев «раскопал» такой вариант.

А концепцию Большой театр предлагает следующую. Хан Кончак ведет с Игорем дипломатическую игру — пытается договориться, заключить союз. Потому что понимает: Русь — могущественный северный сосед, с ней не воевать надо, а объединяться, чтобы вместе встретить грядущую опасность — татарское нашествие. Он сам склоняет Игоря к побегу. Князь возвращается домой. Брошенная страна поругана. Кругом нищета. И никто его не встречает, не славит. За что его славить? А в половецком стане Кончак спасает от расправы Владимира Игоревича и соединяет его с Кончаковной. Произносит и такую фразу: «Вам владеть Россией». Так оно и вышло потом — Александр Невский был их потомком. И знаменитые «Половецкие пляски» — это уже не уговоры Игоря, это празднество в честь свадьбы. Публика принимала очень хорошо. Надеемся, что и наши зрители нас поймут. Ведь это наша история, нам это все должно быть ближе, роднее. Но вот я вам рассказываю, а вы потом придете, посмотрите и такого понапишете...

— Сакраментальный вопрос — как обстоят дела с реконструкцией здания!

— Указ Президента предписывал нам в месячный срок подать свои предложения в правительство. И с октября они уже там — и наши предложения, и мэрии, и Министерства экономики. Отклика пока никакого. Суть предложений осталась прежней: активное участие московского правительства, привлечение к работам отечественных и зарубежных сил, именно привлечение, а не передача проекта в руки какой-либо одной фирме или СП, создание специального органа — дирекции, например, который бы руководил ходом всех этих работ.

Одно только изменение произошло — наша проблема вызвала интерес у ЮНЕСКО. В театре побывала делегация во главе с Жаном-Пьером Энгреми, постоянным представителем Франции при ЮНЕСКО, осмотрела здание и ознакомилась с проектом реконструкции. Сейчас они готовят огромный доклад директору ЮНЕСКО — он вот-вот состоится, а затем по нему должно быть принято решение. На это обычно уходит год-полтора. Если решение окажется положительным, появится наконец надежда, что все сдвинется с мертвой точки. А наши правительственные структуры, наверное, действительно дожидаются, когда в театре что-нибудь рухнет.

◇

Большой театр часто сравнивают с кораблем. Большому кораблю, так сказать,— большое плавание. И корабль плывет. То поднимется на гребне нового благосклонного указа, то попадет в воронку старого мышления, то захлестнет его критическая волна... Куда он плывет? Куда ж нам плыть!..

Есть одно манящее направление. Что до Большого театра, то ему-то как раз плыть в этом направлении и естественно, и справедливо. И только радоваться бы, что он выходит на простор. Но когда кругом пучина бед, не покидает ощущение, будто от тебя все время что-то уплывает. Впрочем, ведь вот зовет же Большой на премьеру... О которой мы, конечно, не преминем написать всякое... Но и не уместнее ли разбирать по косточкам премьеры, чем доискиваться ответа на вопрос, чей же он. У нас если самостоятелен — значит предоставлен самому себе: барахтайся, «как знаешь, плыви, куда хочешь». А если не предоставлен себе, так все равно выходит боком.

— Владимир Михайлович, а вы что скажете!

— Скажу, что, во-первых, одно дело — определить хозяина, который ответствен за судьбу театра, и совсем другое — ломать голову над вопросом, принадлежит ли искусство народу. Практика показала, что второе бессмысленно. Во-вторых, Большой театр был, есть и, уверен, будет у России. Без него она не полная. И, наконец, спрошу — а разве вы вчера не были на спектакле?

Беседу вела
Н. ШАДРИНА.